

**«КАК БЫ СЛУЖБУ НАМ УСТРОИТИ»:
ВОЕННО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
СЕРЕДИНЫ XVI в.**

**“HOW SHOULD WE ORGANIZE OUR SERVICE”:
ON THE CHANGES OF MILITARY ORGANIZATION
IN THE MID-16TH CENTURY**

The author considers the correspondence between oprichnina terror and the unsolved issues in military service between the 1550s and 1560s. The analysis references a vast number of records, i. e. court records (1550s), desyatni, Boyar books (1555–1556), cadastres, Novgorod order books, and private acts. The author studies the functional potential of the social reforms of the Select Council (Izbrannaya rada). This approach enables the author to sketch a gradual increase in problems for the Muscovite government and its attempts to solve them. The inefficient mobilization of the service class, resulting from the earlier Boyar rule, caused the service class's poor combat readiness and lack of property. The reforms that were carried out to resolve the situation were limited and worked slowly; thus, constraint and repression were crucial for the policy of the oprichnina years, which continued the policy of the 1550s, radicalizing it.

Key words: Ivan the Terrible; oprichnina; repressions; tsar's court; estate system; taxes; desyatni.

Ставится вопрос о связи механизма опричного террора с нерешенными вопросами организации службы, актуальными для времени 50-х – начала 60-х гг. XVI в. Исследование основано на привлечении широкого круга делопроизводственных документов: Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в., десятины, Боярская книга 1555/56 гг., писцовые книги, материалы новгородской приказной избы, частные акты. Рассматривается функциональный потенциал социальных реформ «Избранной рады». Такой подход позволяет выстроить картину постепенного нарастания проблем и попыток их решения, исходя из средств, имеющихся в арсенале московского правительства. Комплекс проблем, доставшийся со времен боярского правления, не позволял эффективно использовать мобилизационные возможности массы служилых людей, негативно сказываясь на их обеспеченности землей и боеготовности. Проводившиеся с этой целью

реформы были ограничены по своему характеру и не могли обеспечить быстрые результаты. Форсировать этот процесс должны были принудительные методы воздействия и репрессии, взятые за основу политики в опричные годы. В этом отношении опричнина продолжала начинания 1550-х гг., радикализовав их внутреннее содержание.

Ключевые слова: Иван Грозный; опричнина; репрессии; Государев двор; поместная система; оклады; десятины.

Для осмысления феномена опричнины необходимо разделять две основные ее составляющие: личные взгляды и антипатии Ивана Грозного, который, не отличаясь излишне толерантным характером, сосредоточил в своих руках немислимые для традиционных европейских монархий объемы власти, и существующие проблемы, проявившиеся в ходе создания системы централизованного управления Русским государством.

Трудно предположить, что у самого Ивана IV существовало четкое понимание направленности своих действий. Вне зависимости от симпатий или антипатий первого русского царя существовал, однако, ряд проблем объективного характера, «важные вопросы, которые задавал век государству», по определению С. М. Соловьева, с решением которых не удалось успешно справиться в предшествующие десятилетия. Опричнина, а точнее, механизм опричного террора, в этом отношении была не отдельным институтом, а инструментом, позволявшим быстро и решительно (под страхом репрессий) добиваться поставленных задач.

Наиболее характерным показателем изменения методов воздействия является система организации службы, которая с учетом сложившейся военно-политической модели Русского государства имела приоритетное значение для его развития [см.: Филюшкин]

Разрозненные источники, позволяющие охарактеризовать состояние дел с организацией службы в 1550-е гг., показывают, что необходимо было осуществить серьезную «перезагрузку». Поместная система – основа военной организации – была представлена в это время в нескольких вариациях. В новоосваиваемых уездах, где массовые поселения начали проводиться сравнительно недавно, существовала реальная возможность строить служебные отношения на единых «правильных» основаниях, не считаясь со сложившимися традициями. В «старых» поместных уездах, к которым относились, к примеру, Новгородская земля и Тверской уезд, служебные отношения уже находились в более устоявшемся состоянии, изменить которые было проблематично. Еще большее разнообразие существовало в центральных уездах страны, где поместья соседствовали с вотчинами, дополняя друг друга. В этом случае вряд ли вообще приходилось говорить о каком-то единообразии и действенном контроле над этим процессом со стороны центрального правительства. В. Б. Кобрин приводил даже пример раздела поместий по завещаниям [Кобрин, с. 94]

О состоянии дел на территории Тверского уезда красноречиво свидетельствует дозорная книга 1551–1554 гг. По наблюдениям М. М. Крома, всего в этом источнике зафиксировано 1173 землевладельца, из которых на службе у царя и великого князя находилось всего 489. 168 человек несли частную службу, а еще 220 не служили никому [Кром, 2012, с. 427]. В числе последних были землевладельцы из числа помещиков. Подавляющее большинство «старых» помещиков служило с земель, переданных им в предшествующие десятилетия без дополнительных «придач», хотя зачастую их владения принадлежали уже нескольким совладельцам. Некоторые из них не служили «государеву службу», в других случаях (конюхи К., Ф. Г. Софроновские) их поместья были фактически отобраны соседями из числа знати. Отсутствовал действенный механизм перераспределения «вдовьих» наделов. Полноценными поместьями, не принимая во внимание вдову знатного князя В. А. Микулинского, владели вдовы помещиков А. Ширяева, О. Ларионова и С. Юрлова [Писцовые материалы Тверского уезда XVI века, с. 99, 104]. Раздачи конца 1530-х гг., времени «большого поместного верстания», производились здесь достаточно произвольно. Размеры передаваемых земель не преследовали цели соответствовать определенным поместным окладам. Значительные массивы земель, в результате, оказались в распоряжении у лиц, связанных с придворной средой.

Складывается впечатление, что работа поместной системы, начало которой было положено еще в 80-е гг. XV в., в этом случае была пущена на «самотек», что привело к плачевным результатам.

Несколько лучше был налажен механизм функционирования поместной системы в Новгородской земле. Но и здесь к началу 1550-х гг. наметились серьезные проблемы. Согласно Летописцу начала царства, во время казанского похода 1552 г. «много же несогласию бывшу в людех, дети боярские ноугородцы... бьют челом, что им невозможно столко будучи на Коломне на службе от весны, а иным за царем ходящим и на боих бывших да толику долготу пути идти, а там на много время стояти». Это заявление едва не привело к срыву всего похода [ПСРЛ, т. 29, с. 85]. В новгородских писцовых книгах и делопроизводственных материалах новгородской приказной избы сохранились имена нескольких десятков казанских «нетчиков» – помещиков, которые не смогли явиться на службу. Все они лишились своих поместий, которые были возвращены им только спустя несколько лет. Дальнейшие разбирательства показали, что в ряде случаев упомянутые «нетчики» действительно были не в состоянии нести службу. Поместье М. М. Палицына, например, было «все пусто и лесом поросло, от голоду и от лихого поветрея и от податей» [Дополнения к актам историческим..., с. 92–93]. Писцовые книги фиксируют большое количество помещиков, вынужденных служить с минимальных земельных наделов, находящихся в совместном управлении нескольких родственников.

Отсутствие источников не позволяет оценить масштабы уклонения от службы. Позднее в переписке с князем А. М. Курбским Иван Грозный предъявлял очередные обвинения боярам-изменникам о «недоборе» служилых людей в казанском походе 1553 г.: «Егда же бог милосердие свое яви нам, и тот род варварский христианству покори, и тогда како вы не хотесте с нами воевати на варвары, яко боле пятнадцать тысящ, вашего ради нехотения, тогда с нами не быша» [Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, с. 87]. Эти цифры, выглядят вполне правдоподобными, учитывая реальную возможность Ивана IV сопоставить общую численность русского войска во время взятия Казани с недавним разрядом полоцкого похода 1563 г., в котором была задействована подавляющая масса имевшихся в наличии служилых людей.

Другой вопрос, который должен был постоянно вставать на повестку дня при организации крупных походов – уровень боеготовности армии. О. А. Курбатов отмечал низкий уровень «оружности» детей боярских и их «людей», упомянутых в каширской десятне 1556 г. Уровень земельного обеспечения каширян в целом был достаточно высоким, но количество имеющихся в их распоряжении доспехов и тягилея было совершенно неудовлетворительным [Курбатов, с. 261].

Низкий уровень боеготовности в значительной степени объяснялся недостаточным уровнем обеспечения «воинников». В проектах вопросов к Стоглавому собору 1550 г. прямо поднималась тема несоответствия номинального и фактического поместных окладов: «А у которых отцов было поместья на сто четвертей, ино за детми ныне втрое, а иной голоден; а в меру дано на только по книгам, а сметить, ино вдвое, а инъде болши» [Памятники русского права..., с. 577]. Позднее, в 1556 г., при принятии «Уложения о службе» именно 100 четвертей рассматривались в качестве минимального поместного оклада. Как видно из этого сообщения, с момента проведения последнего верстанья и фиксации его итогов прошло значительное количество времени. «Валовая» перепись земель затронула в конце 1530-х – начале 1540-х гг. большое количество уездов Русского государства, но, очевидно, далеко не всегда преследовала цель упорядочить имеющиеся поместные оклады [Кром, 2010, с. 552]. В середине XVI в. нередко были случаи службы с куда меньших размеров поместий, составлявших 25–30 четвертей земли.

Система кормлений к этому времени отличалась громоздкостью и не давала возможности обеспечить потребности увеличивающейся в размерах массы служилых людей. Длинные очереди на получение кормлений, дальность перемещений по стране для получения «корма» делали этот институт крайне неэффективным. Приоритетное значение приобретал вопрос о рациональном перераспределении имеющегося земельного фонда.

Слабые организационные возможности центрального правительства по комплектации армии в значительной степени объяснялись

отсутствием необходимой информации об имеющихся мобилизационных ресурсах. Первый общевойсковой смотр русской армии, нашедший отражение в комплексе десятен, был произведен в 1556 г. в Серпухове. В «боярской книге 1556/57 г.» упоминается «старый смотр в Казани в зимнем походе». Ссылки на него содержат сведения о сопровождавших детей боярских «людях» и их вооружении без сведений о землевладении, которое, очевидно, не было зафиксировано. По свидетельству официальной летописи, по своему размаху серпуховский смотр не имел аналогов: «И свезли к государю списки из всех мест, и государь сметил множество воинства своего, еще прежде сего не быть так, многия бо крышася, от службы избываше» [ПСРЛ, т. 13, 1-я половина, с. 270].

Вероятно, что десяти, как документ, фиксирующий личный состав той или иной корпорации «служилого города», к началу XVI в. имели ограниченное распространение. Их место могли занимать списки отдельных обособленных корпораций, основанные на наследственном принципе комплектации. Выделение в структуре каширской десяти 1556 г. «становых отрядов» отчасти подтверждает это предположение. Многие из них имели исключительно дробный характер, обладали собственными традициями службы и служили по отдельному списку, часто не смешиваясь с другими группами. В казанском разряде 1549 г. встречается, например, разделение городских кашинских детей боярских на две группы: «кашинцы княж Юрьевские» и «кашинцы старые послужилцы», каждая из которых должна была собираться у своего воеводы, в Суздале и Ярославле соответственно. [Бенцианов, с. 106–107]. Наследственный статус службы и, видимо, ее коллективный характер обуславливали трудность учета. В Дворовой тетради 50-х гг. XVI в., показывающей характерный пример наследственного принципа комплектования, семьи детей боярских были записаны целыми «гнездами», с нередким включением в основной текст несовершеннолетних недорослей [Павлов, с. 89]. Определить точное количество лиц, подлежащих службе, и тем более определить уровень их служебного обеспечения и боеготовности по подобным делопроизводственным документам представлялось задачей непростой. Не удивительно, что при таком раскладе многие служилые люди ускользали из ведения дяков. В Дворовой тетради сохранилась красноречивые пометы, относящиеся к В. Т. и В. С. Лапиным Заболоцким: «Не служит – помесья нет». И. Угримов Ухтомский, в свою очередь, был отмечен пометой «не служит и денег не имал» [ТКДТ, с. 129, 139, 146].

Анализ каширской десяти 1556 г. и «боярской книги 1556/57 г.» показывает, что в середине века московским правительством велась активная работа по унификации поместных окладов, которая, однако, в эти годы еще не была доведена до конца. В ряде случаев у проводивших верстание лиц не было сведений о поместных окладах, поэтому данные записывались со слов самих служилых людей. В отрывках новгородской десяти смотра того же 1556 г. прямо говорится об этой

процедуре: «И поместья их писаны, что которой за собою в памяти написал» [РГАДА, ф. 388, кн. 846, л. 544].

Такая же ситуация была описана в «боярской книге 1556/57 г.». У многих детей боярских государева полка отсутствовали поместные оклады, и отражение в этом источнике получило фактическое количество находящейся в их распоряжении земли. М. Т. Шетнев владел 147 четвертями земли, Я. И. Кузьмин — 1184, а И. Шапкин Рыбин — 503. Удаётся насчитать несколько десятков подобных примеров [Антонов, с. 82, 109]. Обращает внимание явное несоответствие принадлежащего Я. И. Кузьмину количества земли его действительному не слишком высокому статусу. В случае князя М. Ф. Бахтеярова Ростовского упоминается поместный оклад – полсохи со ссылкой на «старое письмо». Характерно, что уже валовая писцовая перепись конца 1530-х гг. описывала поместья в четвертях, т. е. в этом случае отсылка шла к более ранним писцовым описаниям. В сохах было описано также поместье Н. С. Вельяминова, который, правда, сам перевел его в четверти [Кольчева, с. 18; Антонов, с. 86, 110].

Отсутствие сведений по более ранним смотрам, фиксирующим размеры поместных окладов, приводило к необходимости опираться на «сказки» служилых людей, что вело к множественным искажениям. Например, Н. С. Вердеревский сказал, что «не ведаёт» о размерах собственной рязанской вотчины [Антонов, с. 91].

Раздача поместий по унифицированным окладам получила отражение в актовых материалах. В 1554 г. А. С. Сазонов получил поместье в Тульском уезде. Ему был присвоен отцовский поместный оклад: «велено по окладу учинить 100 четвертей». В рассматриваемом акте содержится ссылка на письмо В. Фомина и Я. Старого 1551/52 г. Скорее всего, одновременно с этим «письмом» (или даже несколько ранее) проводилось верстание тульских детей боярских. В 1557 г. прибавку к тульскому же поместью получил Третьяк Сухотин: «велено учинити поместья на 300 четей». В Мценском уезде поместья П. П. и Б. С. Жиленковым были отданы в соответствии с их поместными окладами — 100 и 50 четвертей. В 1550/51 г. поместье в 600 четвертей в Дорогобужском уезде было пожаловано новгородцу князю И. Б. Корецкому, а «на Велиже» в 300 четвертей – торопчанину Вериге Ушакову [Акты служилых землевладельцев XV – начала XVIII века, т. 4, № 133, с. 98; № 412, с. 306; № 458, с. 337; Дополнения к актам историческим..., с. 93, 110].

Невозможно определить, когда верстания были проведены для всех корпораций Русского государства. Для Новгородской земли имеются свидетельства источников о том, что здесь унификация поместных окладов в соответствии с едиными служебными нормами не была осуществлена еще в середине 50-х гг. При разборе поместных дел в 1555–1556 гг. дьяки делали характерную оговорку «до поместного верстания», которая свидетельствовала о нерешенности этого вопроса [ДАИ, с. 87, 88 и далее].

Поместные оклады 1550-х гг. имели вполне реальное значение, и их обладатели должны были со временем получить причитающееся им земельное обеспечение. Серпуховский городской приказчик В. Ситчин, производивший в 1555 г. отделение поместий, добросовестно относился к своему заданию: практически все фигурировавшие в списке лица получили земельные наделы в точном соответствии с их окладами. Столь же тщательно был организован процесс испомещения в Звенигородском уезде бояр и детей боярских Симеона Касаевича. Эта работа отражала планы правительства по приведению в порядок окладной системы: «поверстати по достоинству безгрешно... ино недостаточного пожаловати» [ПРП, с. 587].

Работа по систематизации поместных окладов и проведению верстаней была упорядочена и активизирована после выделения Поместной избы – будущего Поместного приказа. Заметным толчком для ее дальнейшего развития стало принятие «Уложения о службе», которое определило служебные нормы и было ориентировано на унифицированные оклады. Согласно этому документу предписывалось выставлять одного воина «со ста четвертей добрые угожей земли человек на коне и в доспесе в полном, а в далной поход о двух конь» [ПРП, с. 586].

При всей важности «Уложения» для организации службы реализовать его положения на практике в рамках всей страны было практически невозможно. Свободных земель для новых поместных раздач в центральных уездах страны осталось немного. Анализ писцовых книг Ярославского и Рузского уездов 1567–1569 гг. показывает, что размер поместья большинства старых помещиков существенно не дотягивал до минимальной нормы, не говоря уже о качестве принадлежавшей им земли. Аналогичная ситуация, судя по данным Полоцкой писцовой книги, существовала среди помещиков Невельского уезда, большинство из которых до пожалования полоцких поместий довольствовались наделами в 30–40 четвертей (при окладе в 200–250 четвертей).

Проведенная унификация окладов предполагала возможность фиксированного вознаграждения за успешную службу. Так, новгородский помещик князь Кудеяр Мещерский в 1568 г. должен был получить 50 четвертей земли за «невелскую послугу». В итоге же из его оклада в 350 четвертей (с учетом выслуги) ему «не дошло» 2/3 – 247 четвертей [Акты служилых землевладельцев XV – начала XVIII века, т. 4, №172, с. 142]. «Уложение о службе 1556 г.» было выстроено в соответствии с номинальными поместными окладами, что приводило к противоречию: требуемое число воинов не было подтверждено необходимым количеством земли. Именно это обстоятельство привело к быстрому нивелированию его норм. По наблюдениям О. А. Курбатова, уже к началу 1570-х гг. «Уложение» было практически отменено, а проведение верстаней отдано в руки окладчиков – представителей служилых корпораций [Курбатов, с. 281–282].

По этой же причине было парализовано проведение тысячной реформы 1550 г., которая должна была создать ядро для реформирования Государева двора. Судя по попытке воссоздать этот проект при учреждении опричнины («учинити государю у себя в опришнине князей и дворян и детей боярских дворовых и городских 1000 голов... И поместья им подавал в тех городех с однава, которые города поимал в опришнину»), а затем и в 1586 г. заново поставить вопрос о подмосковных поместьях, этой реформе уделялось особое значение. Государев двор в его сложившемся к середине XVI в. виде перестал удовлетворять новым требованиям московского правительства. Эта привилегированная «корпорация корпораций» утратила характер личного двора московских великих князей (царей), состав которого они могли менять, исходя из собственных пристрастий. Преемственность традиций службы, укреплявшаяся местнической системой и принципами родового выдвижения, заставляла ограничиваться определенным кругом фамилий при назначениях на наиболее важные должности центрального и местного аппаратов власти. Возросшая численность дворовых детей боярских (в середине века не менее 2500 человек), многие из которых в силу происхождения и родственных связей претендовали на получение кормлений и допуск к «разрядным» назначениям, вступала в противоречие с их действительной служебной годностью, находившейся далеко не на должном уровне. Даже частичное проведение тысячной реформы позволило значительно повысить качественный уровень исполнителей, привлекая для этой цели в том числе и лучших выходцев из городских детей боярских. [Зимин, с. 366–371].

Желания и потребность московского правительства «иметь под рукой» нужных им людей, тем не менее, столкнулись с дефицитом свободных земель в Подмоскowie. И если некоторые тысячники из центральных уездов, видимо, все-таки сумели получить здесь какие-то владения, то тысячники из Северо-Запада (более трети от общего числа) не получили такой возможности, что способствовало сохранению ими значительных элементов обособленности [Павлов, с. 265]. Получая поместья в городах «Московской земли», тысячникомовгородцы теряли свои новгородские поместья.

При этом у всех на виду существовал источник для новых поместных раздач. Выше уже было отмечено несоответствие некоторых фактических размеров поместий действительному статусу служилых людей в «боярской книге 1555/56 г.» «Уложение о службе» предполагало конфискации избытков земли: «преизлишки же роздели неимущим» [ПРП, с. 586]. На практике, однако, не было известно ни одного случая практической реализации этого плана. Само подобное несоответствие должно было иметь серьезное деморализующее действие и являться источником постоянного раздражения со стороны рядовых детей боярских.

В поисках свободных земель в 1550-е гг. проводились переселения служилых людей. Приписки к основному тексту Дворовой тетради показывают значительный масштаб этого процесса. Особенно существенными были изменения в центральных и пограничных корпорациях. И если первые теряли людей, то вторые приобретали их.

Существенно обновились в это время будущие опричные территории. Состав Можайской корпорации пополнили старичане Ф. А. Голостенов, Д. и Жокула З. Новосильцевы, А. Услюм В. Валуев, суздалец Т. И. Тетерин-Пухов, галичанин Копоть Жуков Зачесломский, москвич П. Д. Семенов, владимирец А. И. Варганов. Вяземскими помещиками в 50-е гг., в свою очередь, стали суздалец Д. И. Черемисинов, тверичи И. Д. и Лопата В. Посевьевы, кашинец В. О. Кувшинов, переславец А. Т. Михалков, муромец Мещерин Ф. Прокофьев, новокрещен князь И. Тевекелев, новгородец князь Ф. Ю. Оболенский [РГАДА, ф. 1209, кн. 619, л. 54, 54 об., 106, 631, 697, 715, 1126 об.; Писцовые книги Московского государства, с. 577, 592, 764, 767; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в., с. 71, 82, 115, 135, 140, 153, 197, 198].

Социальный состав новых помещиков был различен: значительное число вяземских помещиков 1550-х гг. составляли новики, переведенные из других корпораций Русского государства. Поместья жаловались также «в додачу» малоземельным детям боярским. Интересен пример Немытого Тишкова. После проведения смотра 1556 г. ему решено было «додати поместья». Действительно, в конце 1550-х гг. он получил поместье в Вяземском уезде [Антонов, с. 89; РГАДА, ф. 1209, кн. 619, л. 428]. Вяземскими поместьями в это время владело, по крайней мере, 45 человек, служивших в составе других корпораций. Многие из них входили в состав ближайшего окружения Ивана Грозного.

Смена корпорации могла произойти в течение жизни одного поколения. Пример Г. И. Нармацкого, владимирского вотчинника, получившего Можайское поместье и вскоре перешедшего в состав Дорогобужской корпорации, иллюстрирует эту тенденцию.

В количественном выражении перемещение на западные рубежи лучше всего проявилось на примере Смоленска. В 1556 г. инструкция московского правительства предписывала привлечь для встречи литовского посольства 200 смоленских помещиков. Это число было набрано, но только с помощью годовщиков, «серпыян и мощинцев». В это время, очевидно, количество смоленских помещиков не доходило до требуемого числа. Впрочем, оно увеличивалось достаточно быстрыми темпами. Полоцкий разряд 1563 г. говорит о том, что после взятия Полоцка войсками Ивана IV в распоряжении у смоленских воевод находилось уже 411 местных помещиков [Сборник русского исторического общества, т. 59, с. 382; Баранов, с. 154].

Поместная колонизация была направлена и на восточные уезды, примыкавшие к завоеванному Казанскому ханству, в первую очередь, на Нижегородский уезд. Процедура испомещений была зафиксирована

в одном из судебных актов. Переяславец В. Б. Петлин «написался в жилцы... в Новгород в Нижней. И бояре наборзе сослали в Новгород поместий имати» [Кобрин, с. 133]. Разряд полоцкого похода 1563 г. зафиксировал 350 нижегородских детей боярских [Баранов, с. 127].

Менее успешно развивалось поместное землевладение на территориях Казанского и Свияжского уездов, где требовалось постоянное присутствие значительных воинских контингентов. С этой задачей справлялись сменявшие друг друга годовщики, набираемые из разных частей Русского государства. Требовались, однако, и «жилцы», которые постоянно находились бы здесь. Первая раздача земель произошла в 1557 г. после окончания военных действий [ПСРЛ, т. 13, с. 283].

Помещиками стали, видимо, находившиеся здесь годовщики. Всего, по наблюдениям Е. В. Липакова, число «старых» помещиков (пожалованы поместьями до казанской ссылки 1565 г.) составляло порядка 100 человек [Липаков, с. 8]. Анализ состава этих лиц показывает, что большинство из них было выходцами из поволжских уездов: Владимирского, Костромского, Суздальского, – т. е. с территорий, традиционно задействованных на казанском направлении. Другой вопрос, что общее число «новых» помещиков было явно недостаточно. «Жилцы» часто оставляли новые поместья. Служилые люди не спешили добровольно покидать родные уезды и селиться на небезопасных окраинах.

Налицо был функциональный дисбаланс. В центре страны наблюдался острый дефицит земли, в то время как окраины не получали нужного количества людей для несения службы. Особенно ярко этот дисбаланс проявлялся в случае с родовыми княжескими корпорациями (князья Ярославские, Ростовские, Стародубские), которые в течение предшествовавшего столетия «специализировались» на казанской службе. В изменившихся условиях логично было перенести прежнюю модель несения службы на новые территории.

Масштабы переселений 1550-х – начала 1560-х гг., безусловно, были менее значительными, чем в опричные годы. Тем не менее, очевидно, что вектор развития поместной системы и миграции служилых людей из одного уезда в другой были заданы именно в это время. Стоит отметить также, что подобные перемещения носили добровольный характер.

Нельзя сказать, что все перечисленные проблемы относились к категории неразрешимых. Их решение было возможно путем постепенной перестройки сложившихся служебных отношений, совершенствования работы государственного аппарата. На это, однако, требовались десятилетия последовательной методичной работы. Можно было действовать по-другому, более быстро и решительно, прибегая к помощи репрессий. Именно этим путем и решил пойти Иван Грозный, разделив в 1565 г. государство на две части: опричнину и земщину.

В долговременной перспективе эта политика принесла неудовлетворительные результаты. Насильственные методы имели кратковременный эффект. В ряде случаев атмосфера террора привела к прямо противоположным результатам, законсервировав на многие десятилетия существующие проблемы. Это касалось, например, болезненного вопроса о поместных окладах. Наметившееся в 1550-е гг. расхождение между номинальными поместными окладами и фактическим земельным обеспечением у значительной массы служилых людей в годы опричнины получило свое продолжение. Исполнение «сполна» стало, скорее, исключением, чем правилом. «Недодачи» получили системный характер и рассматривались как норма. Анализ полоцкой писцовой книги начала 1570-х гг. показывает, что в соответствии с окладами были обеспечены командиры стрелецких и казачьих отрядов (головы, сотники и пятидесятники). Полный оклад получили и переселяемые новгородские дети боярские (26 человек). Хуже обстояло дело с невельскими помещиками. Несмотря на наличие существенных запасов земель после проведенных конфискаций, практически никто из них не получил причитающегося им по окладу количества земель. Значительная часть земель была оставлена «впрок», для будущих раздач.

В 1567–1568 гг., после перехода Костромского уезда в опричнину, переселения затронули местную служилую корпорацию. Грамота Улану и П. А. Немировым на поместье в Деревской пятине уточняет порядок этой процедуры: «А по государеву наказу велено за ними поместья учинити в половину их меры живущего, а в другую половины их меры пусто». Отдельные книги К. И. Морина показывают, что так же наделение поместьями костромичей производилось и на территории Бежецкой пятины [Акты служилых землевладельцев XV – начала XVIII века, т. 1, № 194, с. 163; Козляков, с. 211]. Крайне незначительные участки земли («худая» земля и перелог) достались казанским ссыльным 1565–1566 гг. В условиях опричного террора вряд ли кому-то из невольных переселенцев пришло бы в голову «докучать» челобитными об их несогласии с отводимыми участками земли, как это было с казанскими «нетчиками» 1550-х гг. De facto несоответствие поместных окладов их реальному содержанию было узаконено для большинства «земских» уездов.

Репрессивные меры против «нетчиков», число которых увеличилось в годы Ливонской войны, также оказались безрезультатными [см.: Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе, с. 37–38]. Стремительное обнищание страны негативно сказывалось на мобилизационных способностях служилых людей, что со временем вынуждено было признать само московское правительство.

Более весомые результаты дали опричные переселения, которые не только разнообразили генеалогический и социальный состав большинства служилых корпораций, как земских, так и опричных, но и дали существенный импульс для количественного роста

некоторых пограничных «городов». После амнистии 1566 г. многие ссыльные вернулись обратно на родину. Некоторые из них, однако, в будущем связали свою судьбу с казанской службой. Значительное число земских «сведенцев» обосновалось на территории Каширского и Рязанского уездов. (В каширской десятне 1570 г. существовали даже особые рубрики: «дети боярские из разных городов дворовые» и «дети боярские новые помещики, преж того служили из разных городов»). Вряд ли, однако, подобные «достижения» могли перевесить общие потери, понесенные в результате прямого и косвенного влияния опричного террора на систему организации службы.

Акты служилых землевладельцев XV – начала XVIII века. Т. 1. М. : Памятники исторической мысли, 1997. 431 с.; Т. 4. М. : Дрвелехранилище, 2008. 632 с.

Антонов А. В. «Боярская книга» 1556/57 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М. : Дрвелехранилище, 2004. С. 80–118.

Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М. : Дрвелехранилище, 2004. С. 119–154.

Бенцианов М. М. Каширская десятна 1556 г. и проблема формирования «служилого города» // Проблемы истории России. Вып. 10. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 97–120.

Дополнения к актам историческим, собранным и изданным археограф. комиссиею. Т. 1. СПб. : Изд. имп. археограф. комиссии, 1846.

Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М. : Изд-во соц.-эконом. лит., 1960. 515 с.

Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М. : Мысль, 1985. 280 с.

Козляков В. Н. Новый документ об опричных переселениях // Архив русской истории. Вып. 7. М. : Архив русской истории, 2002. С. 197–211.

Кольчева Е. И. Аграрный строй России XVI века. М. : Наука, 1987. 233 с.

Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. СПб. : Нов. лит. обозрение, 2010. 888 с.

Кром М. М. Частная служба в России XVI века // Русское средневековье : сб. ст. в честь проф. Ю. Г. Алексеева. М. : Дрвелехранилище, 2012. С. 422–433.

Курбатов О. А. «Конность, людность и оружность» русской конницы в эпоху Ливонской войны 1558–1583 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. Спец. вып. 1. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного : материалы науч. дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. 1. Статьи. Вып. 2. 2013. <http://www.milhist.info/2013/08/14/kyrbatov_3> (дата обращения: 14.08.2013).

Липаков Е. В. Дворянство Казанского края в конце XVI – первой половине XVII вв.: Формирование. Состав. Служба : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1989.

Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб. : Наука, 1992. 280 с.

Памятники русского права. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1956. Вып. 4.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л. : Наука, 1979.

Писцовые книги Московского государства. СПб. : Изд. рус. географ. о-ва, 1877. Ч. 1. Отд. 2.

Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. М. : Дрвелехранилище, 2005.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 13. 1-я половина, Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб. : Изд. имп. археограф. комиссии, 1904.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александрово-Невская летопись. Лебедевская летопись. М. : Наука, 1965.

Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Кн. 8. 1922. С. 8–60.

- РГАДА. Ф. 388. Кн. 846; Ф. 1209. Кн. 619.
 Сборник русского исторического общества. СПб. : Изд. рус. ист. о-ва, 1887. Т. 59.
 Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950.
 Филюшкин А. И. Поворот во внутренней политике Ивана Грозного: 1560 или 1564 год? // Нестор. Историко-культурные исследования : альманах. Вып. 3. Воронеж : Нестор, 1955. С. 60–74.

Akty' sluzhily'h zemlevladel'cev XV – nachala XVIII veka [Acts of landowning servicemen of 15th–early 18th century]. Vol. 1. (1997). Moscow: Pamyatniki istoricheskoy my'sli; Vol. 2. (2008). Moscow: Drevlehranilishhe.

Antonov, A. V. (2004). "Boyarskaya kniga" 1556–57 goda ["Boyar book" of 1556–57 yr.]. In *Russkij diplomatarij* [Russian diplomatarij]. (Iss. 10) (p. 80–118). Moscow: Drevlehranilishhe.

Baranov, K. V. Zapisnaya kniga Poloczkogo pohoda 1562–63 goda [Notebook of Polotsk campaign of 1562–63 yr.]. In *Russkij diplomatarij* [Russian diplomatarij]. (Iss. 10) (p. 119–154). Moscow: Drevlehranilishhe.

Bencianov, M. M. (2013). Kashirskaya desyatnya 1556 g. i problema formirovaniya "sluzhilogo goroda" [Kashirsk desyatnya of 1556 and the problem of formation of "service-men city"]. In *Problemy' istorii Rossii* [The problems of the history of Russia]. (Iss. 10) (p. 97–120). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.

Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobranny'm i izdanny'm arheograf. komissieyu [Addenda to the acts gathered and published by the archeographic committee]. (1846). (Vol. 1). St. Petersburg: Izd. Imp. arheograf. komissii.

Filiushkin, A. I. (1955). Povорот vo vnutrennej politike Ivana Groznogo: 1560 ili 1564 god? [Turning point in the internal policy of Ivan the Terrible: the year 1560 or 1564?]. In *Nestor. Istoriko-kul'turnye issledovaniya: al'manah* [Nestor. Historical and cultural studies: almanac]. (Iss. 3) (p. 60–74). Voronezh: Nestor.

Kobrin, V. B. (1985). *Vlast' i sobstvennost' v srednevekovoj Rossii (XV–XVI vv.)* [Authorities and property in medieval Russia (15th–16th cc.)]. Moscow: My'sl'.

Kozlyakov, V. N. (2002). Novy'j dokument ob oprichny'h pereseleniyah [New document on oprichny resettlement]. In *Arhiv russkoj istorii* [Archive of Russian history]. (Iss. 7) (p. 197–211). Moscow: Arhiv russkoj istorii.

Kolycheva, E. I. (1987). *Agrarny'j stroj Rossii XVI veka* [Agrarian structure of Russia in 16th century]. Moscow: Nauka.

Krom, M. M. (2010). "Vdovstvuyushhee царство": Politicheskij krizis v Rossii 30-40-h godov XVI veka ["Dowager kingdom": Political crisis of Russia in 30–40s of 16th century]. St. Petersburg: Nov. lit. obozrenie.

Krom, M. M. (2012). Chastnaya sluzhba v Rossii XVI veka [Private service in Russia of 16th century]. In *Russkoe srednevekov'e: sb. st. v chest' prof. Yu. G. Alekseeva* [The Middle Ages of Russia: collection of articles in honor of prof. Yu. G. Alekseev] (p. 422–433). Moscow: Drevlehranilishhe.

Kurbatov, O. A. (n. d.). "Konnost', lyudnost' i okruzhnost'" russkoj konnicy v e'pohu Livonskoj vojny' 1558–1583 gg. ["Horses, people and vicinity" of Russian cavalry in the era of Livonian war 1558–1583 yrs.]. In *Istorija voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Spec. vyp. 1. Russkaja armiya v e'pohu czarya Ivana IV Groznogo: materialy' nauch. diskussii k 455-letiyu nachala Livonskoj vojny'*. [History of military arts: research and sources. Spec. iss. 1. Russian army in the era of Ivan IV the Great: the materials of scholarly dispute to the anniversary of the beginning of Livonian war]. Part 1. Articles. Iss. 2. Retrieved from: http://www.milhist.info/2013/08/14/kyrbatov_3 (last accessed on 14.08.2013).

Lipakov, E. V. (1989). *Dvoryanstvo Kazanskogo kraya v konce XVI – pervoj polovine XVII vv.: Formirovanie. Sostav. Sluzhba: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Nobility of Kazan region in the end of 16th – first half of 17th cc.: Formation. Structure. Service. Dissertation abstract: Historical Sciences]. Kazan.

Pamyatniki russkogo prava [Monuments of Russian law]. (1956). (Iss. 4). Moscow: Gos. izd-vo yurid. literatury'.

Pavlov, A. P. (1992). *Gosudarev dvor i politicheskaya bor'ba pri Borise Godunove* [Monarchic court and political struggle under Boris Godunov]. St. Petersburg: Nauka.

Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim [Correspondence of Ivan the Great and Andrey Kurbsky]. (1979). Leningrad: Nauka.

Piszovy'e knigi Moskovskogo gosudarstva [Cadastres of Moscow]. (1877). Part 1. Dep. 2. St. Petersburg: Izd. Rus. geograf. o-va.

Piszovy'e materialy' Tverskogo uezda XVI veka [Cadastres materials of Tver district in 16th century]. (2005). Moscow: Drevlehranilishhe.

Polnoe sobranie russkikh letopisej. Letopisny'j sbornik, imenuemy'j Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'yu, 1-ya polovina [Complete Edition of Russian Chronicles. Annalistic collection, called Patriarchal or Nikon chronicle, 1st half]. (1904). St. Petersburg: Izd. Imp. arheograf. komissii.

Polnoe sobranie russkikh letopisej. Letopisecz nachala czarstva i velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha. Aleksandro-Nevskaya letopis'. Lebedevskaya letopis' [Complete Edition of Russian Chronicles. Chronicler in the beginning of the reign of grand prince Ivan Vasilievich. The Alexander Nevsky chronicle. Lebedevsk chronicle]. (1965). (Vol. 29). Moscow: Nauka.

Poslanie Ioganna Taube i E'lerta Kruze [Message of Johann Taube and Alert Kruse]. (1922). *Russkij istoricheskij zhurnal* [Russian historical magazine], 8, 8–60.

Sbornik russkogo istoricheskogo obshhestva [Collection of Russian historical society]. (1887). (Vol. 59). St. Petersburg: Izd. Rus. ist. o-va.

Ty'syachnaya kniga 1550 g. i Dvorovaya tetrad' 50-x gg. XVI v. [Tysyachnaya book of 1550 yr. and Dvorovaya sheet of 50s yrs. of 16th c.]. (1950). Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR.

Zimin, A. A. (1960). *Reformy' Ivana Groznogo* [Reforms of Ivan the Terrible]. Moscow: Izd-vo socz.-e'konom. lit.

The article was submitted on 29.05.2014

Михаил Михайлович Бенцианов

к. и. н.

Россия, Екатеринбург

Уральский федеральный

университет

bmm4@yandex.ru

Mikhail Bentsianov, Dr.

Russia, Yekaterinburg

Ural Federal University

bmm4@yandex.ru